

Поэтические страницы

Алла Демидова

М. Цветаева – А. Ахматовой, А. Ахматова – М. Цветаевой

Вот уже третий год по воскресеньям и понедельникам на радио «Культура» я читаю стихи со своими маленькими комментариями. Много передач было посвящено творчеству Цветаевой и Ахматовой. Одну из этих бесед я предлагаю на ваш суд.

Хочу вам напомнить стихи – посвящения поэтов поэтам. В данном случае: Цветаева – Ахматовой и Ахматова – Цветаевой.

В юности Цветаева посвящала Ахматовой стихи, дарила подарки, писала письма. Мечтала, как она говорит в одном письме, поклонить к ее коленям Москву. Посвятила сборник «Версты», изданный в 1922 году, впоследствии Ахматовой же была посвящена поэма «На красном коне». Ну и одиннадцать стихотворений. Эти стихи начались с 1916 года.

*Охватила голову и стою,
– Что людские козни! –
– Охватила голову и пою
На заре на поздней.*

*Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!
Я тебя пою, что у нас – одна,
Как луна на небе!*

*Что, на сердце вóроном налетев,
В облака вонзилась.
Горбоносую, чей смертелен гнев
И смертельна милость.*

*Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей негою, как ремнем,
Мне стянула горло.*

*Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала чище.
Ах, я счастлива, что тебя даря,
Удаляюсь – нищей,*

*Что тебя, чей голос – о глубь, о мгла! –
Мне дыхание сузил,
Я впервые именем назвала
Царкосельской Музы.*

Среди стихов есть и посвященные сыну Ахматовой:

*Имя ребенка – Лев,
Матери – Анна.
В имени его – гнев,
В материнском – тишь.
Вóлосом óн рыж
– Голова тюльпана! –
Что ж, осанна
Маленькому царю.*

*Дай ему Бог – вздох
И улыбку матери,
Взгляд – искателя
Жемчугов.
Бог, внимательней
За ним присматривай:
Царский сын – гадательней
Остальных сынов.*

*Рыжий львеныш
С глазами зелеными,
Страшное наследье тебе нести!*

*Северный Океан и Южный
И нить жемчужных
Черных четок – в твоей горсти!*

В 1916 году написано, а какие провидческие строчки: «Страшное наследье тебе нести!» И действительно, Лев Николаевич Гумилев все беды испытал до дна.

В стихах Цветаевой – открытость и абсолютное объяснение в любви к Ахматовой:

*О, Муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!*

*Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.*

*И мы шарахаемся и глухое: ох! –
Сотысячное – тебе присягает: Анна
Ахматова! Это имя – огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.*

*Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами – то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.*

*В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
И я дарю тебе свой колокольный град,
– Ахматова! – и сердце свое в придачу.*

26 апреля 1921 года Цветаева писала Ахматовой: «Вы мой самый любимый поэт... Я понимаю каждое ваше слово: весь полет, всю тяжесть».

*У тонкой проволоки над волной овсов
Сегодня голос – как тысяча голосов!*

*И бубенцы проезжие – свят, свят, свят –
Не тем же ль голосом, Господи, говорят.*

*Стою и слушаю и растираю колос,
И темным куполом меня замыкает – голос.*

*Не этих ивовых плавающих ветвей
Касаюсь истова, – а руки твоей.*

*Для всех, в томленьи славящих твой подъезд, –
Земная женищина, мне же – небесный крест!*

*Тебе одной ночами кладу поклоны, –
И всё твоими очами глядят иконы!*

В 1921 году между Цветаевой и Ахматовой завязалась короткая переписка. В архиве Цветаевой сохранилось несколько книг Ахматовой с дарственными надписями. На «Подорожнике», например: «Марине Цветаевой в надежде на встречу с любовью, Ахматова, 1921». В 1926 году было последнее письмо, которое Цветаева написала Анне Андреевне из Парижа.

В 1936 году Цветаева написала мемуарный очерк «Нездешний вечер» о своем приезде в Петербург в 1916-м и о своем выступлении. Тогда Ахматовой не было в городе. Цветаева пишет: «Читаю, – как если бы в комнате была Ахматова, одна Ахматова. Читаю для отсутствующей Ахматовой. Мне мой успех нужен, как прямой провод к Ахматовой. И если я в данную минуту хочу явить со-

Анна Ахматова

бой Москву – лучше нельзя, то не для того, чтобы Петербург – победить, а для того, чтобы эту Москву – Петербургу – подарить, Ахматовой эту Москву в себе, в своей любви, подарить, перед Ахматовой – преклонить».

А в стихах 1916 года:

*Ты, срывающая покров
С катафалков и с колыбелей,
Разъярительница ветров,
Насылательница метелей,*

*Лихорадок, стихов и войн,
– Чернокнижница! – Крепостница! –*

*Я слышала грозный вой
Львов, вещающих колесницу.*

*Слышу страстные голоса –
И один, что молчит уorno.
Вижу красные паруса –
И один – между ними – черный.*

*Океаном ли прaviшь путь,
Или воздухом, – всею грудью
Жду, как солнцу подставив грудь
Смертоносному правосудью.*

Ахматова к Цветаевой относилась не так открыто и влюбленно. Артур Лурье, ближайший друг Ахматовой, как-то Анне Андреевне говорил: «Вы относитесь к Цветаевой, как Шопен относился к Шуману». Известно, что Шуман боготворил Шопена, а тот отделялся вежливыми, уклончивыми замечаниями. Цветаева по отношению к «златоустой Анне всея Руси» была Шуманом. Они, конечно, были резко противоположны. И, как писала Цветаева, «не суждено, чтобы сильный с сильным соединились бы в мире сем».

Как поэты они заявили о себе сразу и почти одновременно. У Цветаевой «Вечерний альбом»

вышел в 1910 году, а «Волшебный фонарь», как и «Вечер» Ахматовой, – в 1912-м. С этого года и начинается тайное соперничество московской и петербургской муз. Приведу только маленький кусочек из частного письма Цветаевой того времени: «...меня ругали только Городецкий и Гумилев, оба участника какого-то цеха. Будь я в цехе, они бы не ругались, но в цехе я не буду».

Итак, летом 1916 года Цветаева написала восторженный цикл стихов, посвященных Ахматовой, а уже в 1917-м – опять об Ахматовой: «...Ахматова пишет о себе – о вечном. И Ахматова, не написав ни одной отвлеченно-общественной строчки, глубже всего – через описание пера на шляпе – передает потомкам свой век». У Цветаевой есть стихи, описывающие внешность Ахматовой того времени.

*Узкий, нерусский стан –
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.*

*Вас передашь одной
Ломаной черной линией.*

Анна Ахматова. Сиверская, 1924

Холод – в весельи, зной –
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь – озноб
И завершится – чем она?
Облачный – темен – лоб
Южного демона.
Каждого из земных
Вам заиграть – безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,
– Кажется, четверть пятого, –
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

В 1939 году Цветаева с сыном возвращается из эмиграции в Россию. Через полтора месяца арестовали ее мужа, а еще через месяц – дочь. Естественно, Ахматова обо всем этом слышала. В 1940 году, в марте, уже после «Реквиема», Ахматова пишет стихотворение, обращенное к Цветаевой и названное «Поздний ответ». При чем в эпиграф берет цветаевскую строчку из ранних стихов: «Белоручка моя, чернокнижница...»

Невидимка, двойник, пересмешиник...
Что ты прячешься в черных кустах? –
То забьешься в дырявый скворечник,
То блеснешь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой.
Полюбуйтесь, родимые пашины,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина,
И разграблен родительский дом».
.....
Мы сегодня с тобою, Марина,
По столице полночной идем.
А за нами таких миллионы
И безмолвнее шестивия нет...
А вокруг погребальные звоны
Да московские хриплые стоны
Вьюги, наш заматающей след.

Сейчас, когда печатают это стихотворение, под ним стоят две даты: «40 – 61». Видимо, в 1961 году были дописаны строки: «Мы сегодня с тобою, Марина...» А что касается первой строки «Невидимка, двойник, пересмешиник...», то на одной из книг, подаренной Цветаевой, Ахматова написала: «Мое второе я...»

Узнав о самоубийстве Цветаевой, Ахматова в стихотворении «Какая есть. Желаю вам дру- гую...» опять вспоминает ее:

Марина Цветаева. Париж, 1926

...Но близится конец моей гордыне,
Как той, другой – страдальце Марине, –
Придется мне напиться пустотой.

Стихотворение «Поздний ответ» при встрече 7 июня 1941 года в квартире Ардовых (это была первая встреча Цветаевой и Ахматовой) Ахматова не прочитала Марине Ивановне, а прочитала «Поэму без героя», первую часть. И Цветаева позже записала, что, услышав поэму о 13-м

годе, очень удивилась, как можно в это время писать о Пьеро, об Арлекинах. На следующий день Цветаева попросила о встрече еще раз. Они встретились у Харджиева, где Марина Ивановна, переписав своей рукой «Поэму воздуха», отдала ее Ахматовой. Ахматова потом кому-то сказала, прочитав эту поэму: «Марина ушла в заумь». Кстати, Эмма Гернштейн, вспоминая эту встречу у Харджиева, записала: «Такое взаимное касание ножами души. Уюта в этом мало».

Конечно, ранние стихи Цветаевой были проще и эмоциональнее, не было той отточенной формы, которой потом восхищались и Бродский, и все другие поэты.

*Не отстать тебе! Я – острожник,
Ты – конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.*

*Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!*

Читая многочисленные воспоминания об Ахматовой, поражаешься противоречивым высказы-

ваниям Анны Андреевны о Цветаевой. В зависимости, наверное, от времени и контекста разговора. Например, один современник Ахматовой приводит ее слова, сказанные в 1943 году: «Марина Цветаева много обо мне думала. Наверное, я ей очень мешала». А Исая Берлин, вспоминая свою беседу с Ахматовой в 1945 году, пишет: «Ахматова восхищалась Цветаевой: “Марина – поэт лучше меня”, – сказала она мне».

Цветаева, прочитав 3 октября 1940 года ахматовский сборник «Из шести книг», – очень урезанный, конечно, в котором не было и не могло быть ни последних стихов, ни «Реквиема», ни вообще тех знаменитых стихов, которые уже в 1940-м были написаны, – пишет: «Прочла – перечла – почти всю книгу Ахматовой и – старо, слабо... Ну, ладно... Просто был 1916 год, и у меня было безмерное сердце... Но что она делала с 1914 г. по 1940 г.? Внутри себя. Эта книга и есть “непоправимо-белая страница”...»

Ахматова в 1963 году, вспоминая единственную встречу в июне 1941-го, оставила в дневнике такую запись: «Здесьный вечер, или Два дня (о Марине Цветаевой)... Страшно подумать, как бы описала эти встречи сама Марина, если бы она осталась жива, а я бы умерла 31 августа 1941 г. Это была бы “благоухающая легенда”, как говорили наши деды. Может быть, это было бы причитание по 25-летней любви, которая оказалась напрасной, но во всяком случае это было бы великолепно». В записных книжках Ахматова приводит диалог, который был у нее с Мариной Цветаевой в ту первую встречу, когда они сидели вдвоем в ардовской квартире:

«Цветаева. – Как Вы могли написать “отыми и ребенка, и друга / и таинственный песенный дар...”? Разве вы не знаете, что в стихах все сбывается?»

Ахматова. – А как вы могли написать поэму “Молодец”?

Цветаева. – Но ведь это я не о себе!

Ахматова. – А разве вы не знаете, что в стихах все о себе?

...Но не сказала...»

Между тем лирику сама Ахматова называла «надежной броней» и добавляла: «Там себя не выдашь». Я не хочу комментировать это противоречие. Главное, остались стихи, и они известны. Цветаева – Ахматовой:

*На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот
Узколицей певицы уличной.*

В Совет Литфонда
Прошу принять меня на работу в качестве
судомойки в открывающуюся столовую Литфонда
М. Цветаева
26го августа 1941 г.

В темном – с цветиками – платке,
– Милости удостоиться
Ты, потупленная, в толпе
Богомолок у Сергей-Троицы,

Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицей хлыстовскою.

Или в это же время, 1916 года:

Сколько спутников у друзей!
Ты никому не вторишь.
Правят юностью нежной сей –
Гордость и горечь.

Помнишь бешеный день в порту,
Южных ветров угрозы,
Рев Каспия – и во рту
Крылышко розы.

Как цыганка тебе дала
Камень в резной оправе,
Как цыганка тебе врала
Что-то о славе...

И – высоко у парусов –
Отрока в синей блузе.
Гром моря и грозный зов
Раненой Музы.

Так случилось, что я в одно и то же время играла и цветаевскую «Федру», и читала в концертах с оркестром «Виртуозы Москвы» «Реквием» Ахматовой. И тогда буквально заболела. Видимо, музы их продолжали соперничать.

Не имею права подробно касаться их непростых отношений, просто приведу отрывок из ахматовских записных книжек: «Марина, – пишет Ахматова, – подарила мне:

- 1) Свою детскую шкатулку (я отдала Берггольц)
- 2) Брошку (см. ее фотографию) – я ее разбила о пол Мариинского театра
- 3) Синюю шелковую шаль (см. фотографию Наппельбаума в 21 г.)
- 4) Магометанские четки – освященные в Мекке
- 5) Московский Кремль, с которым я не знала, что делать
- 6) Переписала своей рукой «Поэму воздуха» в 41 г. и щедро посвящала стихи».

К этому списку можно добавить «и сердце свое в придачу», как писала Цветаева Ахматовой в стихах. Щедрость и открытость души Марины Цветаевой известны. Ахматова, повторяю, более закрыта. Хотя очень хорошо понимаю эту закрытость. Например, ахматовские строчки в конце «Поэмы без героя»:

И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И «Quo vadis?» кто-то сказал...

И вот эта последняя строка: «...“Quo vadis?” – кто-то сказал...» – дорогого стоит. Здесь Ахматова соединяет Елабугу, Каму, здесь слышится нежный, прощальный привет «страдалице Марине».

Так случилось, что Ахматова осенью 1941 года оказалась в Чистополе, рядом с Елабугой, где незадолго до этого 31 августа повесилась Марина Цветаева. И Лидия Корнеевна Чуковская пишет в своих воспоминаниях, что, переводя Ахматову в Чистополе через лужу, рассказала ей, как два месяца назад через эту большую лужу она переводила Цветаеву, приехавшую в Чистополь из Елабуги устраиваться на работу посудомойкой. «Я высказала Марине свою радость: “А.А. не здесь, не в Чистополе, не в этом, утопающем в грязи, отторгнутом от мира, чужом городишке – не в этой полутатарской деревне. Здешний быт убил бы ее, – сказала я. – Она ведь ничего не может, она совершенно беспомощна. Она бы здесь погибла”. – “А я, вы думаете, могу?” – резко перебила меня Марина Ивановна». Но этот ответ Цветаевой Чуковская Ахматовой не передала.

«Она сильная, она притягивает, как магнит», – говорила Ахматова про Марину Ивановну, вспоминая о встрече у Харджиева. А в 1961 году Анна Андреевна опять вспоминает Цветаеву в новом стихотворении. В эпиграф она выносит строчку: «О, Муза Плача...» из раннего цветаевского стихотворения, посвященного ей.

*...И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага.
Духом, хранителем «места сего»
Стала лесная коряга.
Все мы немного у жизни в гостях,
Жить – это только привычка.
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка.*

*Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это – письмо от Марины.*

Казалось бы, Ахматова мало посвящала Цветаевой стихов и мало внешне обращала на нее внимание, но она взяла у нее самое главное. Она взяла у Цветаевой строфу для своей «Поэмы без героя». Когда был написан первый вариант поэмы, в 1942 году, все удивлялись новаторству этой строфы, она была не ахматовская. Чуковская пишет, что, когда услышала эту поэму, спросила Ахматову: «Это чье?» И сразу поняла бестактность своего вопроса.

*Так и знай: обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
Впрочем, это мне все равно.
Я согласна на неудачу
И смущенье свое не прячу...
У шкатулки ж тройное дно.*

«Обвинят в плагиате» и «У шкатулки ж тройное дно», пишет Ахматова в своей поэме. Долгое время считалось, что строфа эта взята у Кузмина, из поэмы «Форель разбивает лед», где она использована во «Втором ударе» и в «Двенадцатом ударе» («Форель», как известно, была написана в 1927 году). Почему же «тройное дно»?

Читая несколько книг за одну ночь (странно, что я читаю хорошие книги только ночью), я совершенно случайно наткнулась на стихотворение Марины Цветаевой 1917 года, действие которого тоже начиналось в новогодний вечер. И строфа там, как и в «Форели» у Кузмина, как и у Ахматовой в поэме, – такая же. Надо признаться, что тогда я не обратила на это внимания, вернее, не связала это с «Поэмой без героя», потому что всерьез ею тогда не занималась.

Несколько лет назад мы с Инной Лиснянской оказались в Швейцарии, друзья повезли нас в музей Рильке. Дом, где он жил, был куплен неким частным лицом и наглухо закрыт для посещения, но недалеко от него какой-то доброхот-любитель создал музей Рильке. Мы были там одни, ходили по комнатам; Инна Лиснянская особенно обращала внимание на почерк Рильке, я – на всевозможные фото, и по какой-то ассоциации я вспомнила стихотворение Цветаевой на его смерть, написанное в 1927 году и названное «Новогоднее». Оно начинается с восклицания: «С Новым годом – светом – краем – кровом!»

Мы поговорили о том, как часто у поэтов Новый год – не праздник, а встреча с прошлым, с мертвыми, вспомнили с Инной ахматовскую «Поэму без героя», где в Новый год тоже приходят мертвые. У Цветаевой в «Новогоднем»: «Жизнь и смерть давно беру в кавычки, / Как заведомо-пустые сплеты», а у Ахматовой в «Поэме без героя»: «Смерти нет – это всем известно». И тогда я поделилась своей догадкой о том, что Кузмин для «Форели» взял строфу у Цветаевой, из ее новогоднего стихотворения 1917 года, а Ахматова наткнулась на эту строфу, может быть, сначала у Кузмина, а потом обнаружила и у Цветаевой.

Впоследствии, уже в Москве, Инна Лиснянская подарила мне свою прекрасную статью о влиянии поэзии Цветаевой на Ахматову, где, кстати, она соглашается, что кузминская и цветаевская строфы

похожи на строфу «Поэмы без героя». Мне сейчас не хочется, да я и не специалист, чтобы определять тонкости различия размера строф и ритма.

Итак, у Цветаевой в стихотворении 1917 года:

*Кавалер де Гриэ! – Напрасно
Вы мечтаете о прекрасной,
Самовластной – в себе не властной –
Сладострастной своей Мапоп.*

*Вереницею вольной, томной
Мы выходим из ваших комнат.
Дольше вечера нас не помнят.
Покоритесь, – таков закон.*

*Мы приходим из ночи вьюжной,
Нам от вас ничего не нужно,
Кроме ужина – и жемчужин,
Да быть может еще – души!*

*Долг и честь, Кавалер, – условность.
Дай Вам Бог целый полк любовниц!
Изъявляя при сем готовность...
Страстно любящая вас*

– М.

Эту строфу Цветаева использовала еще только один раз – в 1921 году в стихотворении «Марина» и забыла о ней. Когда Ахматова в 1941 году читала Цветаевой свою поэму, Марина Ивановна не вспомнила свою строфу, она ее не узнала. Но строфа все-таки цветаяевская... Строфа – «тройное дно»: Цветаева – Кузмин – Ахматова.

Я хочу закончить ранним стихотворением Цветаевой, которое вполне могла написать и Ахматова, об этих сложных отношениях:

*Ты солнце в выси мне застишь,
Все звезды в твоей горсти!
Ах, если бы – двери настезь! –
Как ветер к тебе войти!*

*И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И, всхлипывая, затихнуть,
Как в детстве, когда простят.*

Анна Ахматова. Ленинград, 1959

